

РАЗДОСАДОВАННЫЙ

Самая младшая моя сестра, Бет — ей пять, — когда вырастет, непременно наймется смотрящим на дамбу и будет орать мужчинам, работающим ниже по течению: «Берегись, бревна идут!» Легкие у нее в самый раз для такого занятия.

Было весеннее утро. Конец марта. Меньше четырех месяцев назад, хотя кажется, будто прошло куда больше времени. Мы опаздывали в школу, и следовало кое-что сделать по дому перед уходом, но Бет было наплевать. Она сидела, будто не замечая кукурузную кашу, которую я перед ней поставила, и надрывалась, словно оперная певица из Ютики — они приезжают выступать в отелях. Только вряд ли оперная певица станет петь «Торопись, Гарри». Во всяком случае, я такого не слыхала.

*Торопись, Гарри! Том, Дик, Джо — поспешайте!
Все хватайте ведра, за водой ступайте!
Как средь треска-плеска позовет вас кок,
Так и побегите, чтоб не упустить кусок!
Не упустить свой пиро-о-ог!*

— Бет, умолкни и ешь кашу! — велела я, заплетая ей тем временем косичку.

Бет не послушалась, потому что пела она не ради меня или кого-то из нас. Она пела неподвижному креслу-качалке у плиты и потрепанной рыбной корзине, что висела у двери в пристройку. Пела, чтобы заполнить пустоту в нашем доме, прогнать молчание. Обычно по утрам я не запрещаю ей шуметь, но в то утро я хотела поговорить с папой кое о чем, об очень важном, и места себе не находила от волнения. Мне хотелось, чтобы все прошло мирно в кой-то веки. Хотела, чтобы папа, как войдет, застал все в полном порядке, все хорошо себя ведут, и тогда он тоже настро-

ится на мирный лад и благожелательно примет то, что я собираюсь сказать.

*Патока чернуцая, печенье как песок.
Чай в ведре варился, воняет как носок.
Все бобы протухли, а пирог сырой.
В пасть мечите живо и пошли за мной.
В лес пошли за мно-о-ой!*

Кухонная дверь распахнулась, Лу, средняя из трех моих сестер, одиннадцати лет, протиснулась с ведром молока мимо стола. Измазала пол навозом — поленилась снять башмаки.

Застегивай подтяжки, затягивай шнурки, эгей!

— Бет, ну пожалуйста! — сказала я, вплетая в ее косичку ленту. — Лу, ботинки! Ты ботинки не сняла!

Как размахнемся топором, нам равных нет, эгей!

— Что? Я тебя почти не слышу, Мэтт! — отозвалась Лу. — Да заткнись же ты наконец! — завопила она и шлепнула Бет по губам.

Бет заверещала, принялась извиваться, откинулась на спинку стула. Стул перевернулся, задел принесенное Лу ведро. Молоко по всему полу, Бет в луже молока. Бет ревет, Лу орет, а я думаю: ох, если б мама была с нами! Я каждый день думала: ох, если бы! По сто раз в день самое меньшее.

Когда мама была жива, она готовила завтрак на семерых, выслушивала наши уроки, латала папе штаны, паковала нам школьный перекус, ставила молоко на простоквашу и замешивала тесто на пирог — все одновременно и не повышая голоса. А я считаю удачным день, когда у меня каша не подгорит, а Лу и Бет не убивают друг друга.

Вошла четырнадцатилетняя Эбби, принесла в переднике четыре коричневых яйца. Она осторожно положила их в миску в буфете и усталилась на эту сцену.

— Папе только свиней накормить осталось. Он скоро придет, — предупредила она.

— И надерет тебе жопу, Бет, — подхватила Лу.

— Это тебе он надерет за то, что ты сказала «жопа», — огрызнулась Бет, шмыгая носом.

— А ты повторила. Теперь тебе двойная порка.

Лицо Бет сморщилось, и она завывала громче прежнего.

— Хватит! Обе заткнитесь! — закричала я в ужасе, прямо-таки услышав, как ремень свистит по их задницам. — Не будет папа никого пороть! Тащите сюда Барни.

Бет и Лу кинулись к плите и вытянули из-за нее бедного Барни. Старый папин охотничий пес ослеп и охромел. Он мочится на свою подстилку. Дядя Вернон говорит, папе давно пора отвести его за хлев и пристрелить. Папа говорит, сперва он пристрелит дядю Вернона.

Лу подвела Барни к луже. Молока он не видел, но почуял его и принялся жадно лакать. Ему уже сто лет молока не доставалось. Да и нам тоже. Зимой стельные коровы не доились, одна только что отелилась и наконец-то дала немного молока. Скоро будет больше. К концу мая хлев наполнится телятами, и папа будет каждое утро спозаранку уезжать, развозить молоко, сливки и масло по отелям и дачам. Но в то утро это было единственное ведро за долгое время, и папа, конечно, рассчитывал на кашу с молоком.

Барни вылизал почти все. Остаток лужи Эбби подтерла тряпкой. Бет слегка промокла, а линолеум под ее стулом казался чище, чем в других местах кухни, однако я понадеялась, что на это папа не обратит внимания. На доньшке еще оставалось немного молока. Я разбавила его водой и перелила в кувшин возле папиной тарелки. К ужину папа, наверное, захочет вкусную молочную подливу, а то и заварной крем, раз куры дали четыре яйца, но об этом я подумаю позже.

— Папа догадается, — опередила мои мысли Лу.

— Как? Барни ему скажет?

— Когда Барни пьет молоко, он пердит потом ужас как.

— Лу, хоть ты одеваешься как мальчик и походка у тебя мальчишеская, постарайся хотя бы не выражаться как парни. Маме бы это не понравилось, — сказала я.

— Мамы с нами больше нет, так что выражаться буду как хочу.

Эбби, полоскавшая под краном тряпку, резко обернулась.

— Прекрати, Лу! — крикнула она, удивив нас всех: Эбби никогда не кричит. Она даже не плакала на маминых похоронах, хотя три дня спустя я застала ее в папиной спальне, она стискивала в руке

мамину фотографию с такой силой, что острый край рамки порезал ей ладонь. Наша Эбби — цветное муслиновое платье, которое постирали и вывернули наизнанку сохнуть: все узоры скрыты. Наша Лу — в точности наоборот.

Пока эти две ругались, в пристройке за кухней послышались шаги. Ссора тут же затихла. Мы думали, это папа. Но тут раздался стук, шарканье, и мы поняли: это всего лишь Томми Хаббард, соседский паренек, голодный, как всегда.

— Том, ты чешешься? — спросила я.

— Нет, Мэтт.

— Тогда садись завтракать. Помой сперва руки.

В прошлый раз, когда я впустила его в дом, чтобы накормить, он одарил нас блохами. У Томми шестеро братьев и сестер. Они живут на Ункас-роуд, как и мы, но подальше, в убогом дощатом домишке. Их участок вклинивается с дороги между нашим и землей Лумисов. У них нет папы, или у них множество пап — смотря кого послушать. Мать Томми, Эмми, делает все, что в ее силах: убирает комнаты в отелях, продает туристам свои маленькие картинки, — но этого не хватает. Дети всегда голодны. В доме холодно. Налоги давно не плачены.

Томми вошел, ведя за руку одну из сестричек. Я глянула на них с тревогой. Папа еще не завтракал, а в горшке оставалось немного.

— Я тока Дженни привел, — поспешно сказал Томми. — Сам-то сытый, вот так вот.

Дженни была закутана в мужскую шерстяную рубаху поверх тонкого хлопчатого платья. Подол рубахи касался пола, зато платье едва доставало ей до колен. А на Томми вовсе не было верхней одежды.

— Все в порядке, Томми, еды полно.

— Пусть мою порцию берет! Видеть не могу эту гадостную слизь! — Лу толкнула свою миску через стол. Ее доброта выбирает кружной путь.

— Слышал бы папа! — буркнула Эбби. — Язык у тебя как у плотогона.

Лу высунула язык с остатками каши. Эбби, кажется, готова была ее стукнуть. Хорошо, что между ними был стол.

Кукурузная каша надоела всем — и мне тоже. Мы ели ее с кленовым сахаром на завтрак и на обед много недель подряд. А на

ужин — гречишные оладьи с печеными яблоками, последними из осеннего урожая. Или гороховый суп на старой свиной кости, вываренной добела. Мы бы порадовались рагу из солонины или пирогу с курятиной, но почти все, что мы заложили в погреб в сентябре, кончилось. Остатки оленины доели в январе. Ветчину и бекон тоже. И хотя мы заготовили целых две бочки свинины, одна из них протухла. По моей вине: папа сказал, я слишком слабый рассол сделала. Осенью мы зарезали одного из петухов, а с тех пор — четырех кур. Осталось только десять, и папа не велел их трогать, ведь они дают нам яйца, хоть и не много, а летом и яиц будет больше, и выведутся цыплята.

Все шло по-другому, когда мама была жива. Как-то ей удавалось вкусно кормить нас всю зиму, и даже весной в погребе еще хватало мяса. Мне до мамы ох как далеко, и Лу не дает мне об этом забыть, да и папа тоже: он, конечно, такого не говорит, как Лу, но по его лицу, когда он садится за стол, сразу видно: он вовсе не любитель каждодневной каши.

Зато Дженни Хаббард против каши нисколько не возражала. Ждала терпеливо, глаза большие, серьезные, пока я посыпала кленовым сахаром то, что Лу оставила в миске. Миску я протянула Дженни, Томми положила немного из горшка. Ровно столько, чтобы папе осталось вдоволь.

Эбби отхлебнула глоток чая, потом глянула на меня поверх ободка чашки.

— Ты еще не говорила с папой?

Я покачала головой. Я стояла за спиной Лу, пытаюсь расчесать ее волосы. Кос из них не заплетешь, кончики едва доставали ей до подбородка. Лу отхватила себе волосы мамиными портновскими ножницами после Рождества — после того как наш брат Лоутон ушел из дома.

— А собираешься поговорить? — настаивала Эбби.

— Поговорить о чем? — спросила Бет.

— Не твое дело. Доедай, — велела я.

— О чем, Мэтт? О чем поговорить?

— Бет, если бы Мэтти хотела, она бы тебе сказала, — вмешалась Лу.

— Тебе она тоже не говорила.

— Еще как говорила.

— Мэтти, почему ты Лу сказала, а мне нет? — заныла Бет.

— Потому что ты сума дырявая, в тебя что ни поклади — сразу разболтаешь.

Новый раунд препирательств. Нервы у меня уже стерлись налысо.

— *Положи, Лу, а не поклади*, — сказала я. — Бет, перестань нюнить!

— Мэтт, ты уже выбрала слово дня? — сменила тему Эбби. Наш миротворец. Тихая, ласковая. Больше всех нас похожа на маму.

— Ой, Мэтти! Можно я выберу? Можно я? — заверещала Бет.

Она сползла со стула и побежала в гостиную. Там, от греха подальше, я хранила свой драгоценный словарь — вместе с книгами, которые брала у Чарли Экклера и мисс Уилкокс, с мамиными «Любимыми томами американской классики» (издание Уэверли) и несколькими старыми номерами «Журнала Петерсона», которые подарила нам тетя Джози, потому что, как сказано в колонке редактора, это «одно из немногих изданий, пригодных для семей, где растут дочери».

— Бет, словарь несешь ты, а слово пусть выбирает Лу! — крикнула я вслед.

— Не ложи мне под нос свой словарь, я в детских играх не участвую! — фыркнула Лу.

— *Не клади, Лу! Не клади!* — рявкнула я. Небрежное обращение Лу со словами злит меня больше, чем ее грязный язык, замурзанный комбинезон и притащенный в дом навоз вместе взятые.

Бет вернулась к столу, неся словарь так бережно, словно он из чистого золота. Да и весит он как золотой.

— Выбирай слово, — предложила я. — Лу не хочет.

Бет осторожно пролиستала несколько страниц вперед, потом назад, потом ткнула указательным пальцем в строку на левой странице разворота:

— Раз... Раз-два... Раз-два-садовый? — спросила она.

— Такого слова, мне кажется, нет. Скажи по слогам, — попросила я.

— Раз-до-са-дó-ван-ный.

— Раздосáдованный, — поправила я. — Томми, что это значит?

Томми заглянул в словарь:

— Огорченный, раздраженный, готовый всп... вспыхнуть гневом, — зачитал он. — Недовольный, сердитый. Злой.